— …Ваше Высочество.

Будь на его месте другой, более обычный человек, сцена перед его глазами сильно бы травмировала его, но, к сожалению, он ничего не чувствовал. Вик смотрел на обессиленную Лерче и про себя размышлял над тем, что он – на самом деле монстр в обличье человека.

Лерче валялась недалеко от его армейских сапог; на плитах, где растаял снег. От неё осталась лишь верхняя половина тела, и открывался вид на серебристые внутренние механизмы, откуда сочилась светло-синяя жидкость, уже успевшая образовать лужицу.

Прямо как когда-то в прошлом.

— Хватит уже ломаться при каждом шаге, семилетка, — сказал Вик, всё ещё смотря на неё.

— Поняла. Мне безгранично стыдно за это…

В ответ на необоснованные упрёки со стороны Вика, Лерче каким-то образом пожала плечами, хотя от её тела осталась лишь верхняя половина. Сирины не чувствовали боли. И так как они были механизированными куклами, детали которых всегда можно было заменить, в них не был встроен предупреждающий сигнал о нагрузке на тело, присущий всем живым. Вот поэтому девушка, лежащая перед ним среди снега и обломков, улыбнулась, ни капли не заботясь об отсутствующих ногах, растекающейся синей крови и разбросанных серебристых внутренностей.

Прямо как когда-то в прошлом.

— Ваше Высочество, Вы целы?

— Конечно же.

«Ведь это ты сказала мне защищать их. Поэтому, чтобы защитить народ этой страны, я не могу умереть до окончания войны с Легионом. А после неё… я буду жить и дальше, до самого конца… Пусть даже без каких-либо надежд и желаний.»

«Я верю, что… именно этого хотела бы Лерче – девочка, что ушла вперёд, хоть мы и были одного возраста.»

— Пойдём-ка домой, Лерче… Тебя, конечно, в таком состоянии удобно транспортировать, но чёрт, просто мысли о полной твоей починке вызывает у меня головную боль.

— Мне безгранично…

— Заткнись уже.

— И, эм… Если это возможно, я была бы очень признательна, если в процессе мне бы добавили немного объёма в груди.

— У тебя что, сексуальное пробуждение?

Вздохнув, он протянул руку и схватил шею в том месте, где находился замок, благодаря которому можно было отделить голову от тела. Вик поднял её. Человеческая голова пусть и была тяжелее кошки, к примеру, но он всё же был членом королевской семьи, и большую часть своей жизни провёл на поле боя. Для него она была легче крупнокалиберной винтовки.

Сирины, будучи механизированными куклами, не ломались после того, как от них оставалась лишь голова. Вик подтвердил автоматическое отключение Лерче после потери контакта с системой охлаждения, которая располагалась в её груди, а затем повернулся. Полы его формы качнулись на ветру. Держа голову в руке, он зашагал через одеяло снежной богини, бушующей даже в такое время года.

Ему вдруг пришла в голову глупая мысль, что эта сцена сошла прямо с оперы Саломея.

Хотя, раз уж об этом зашла речь…

— Я ведь ни разу тебя не поцеловал…

Ни ушедшую девушку, послужившей основой для её текущего тела, ни ту холодную, словно надгробие.

Ветер унёс с собой этот монолог, и никто его не услышал.

□

Рито покинул кабину своего Джаггернаута и вновь взглянул на осадный мост из Сиринов. Некоторые из его товарищей также смотрели на этот гротескный, неестественный путь, проложенный трупами. Выживать на поле боя и сражаться до самого конца считалось гордостью «восемьдесят шесть». Так они думали и в это верили. Признав эту гордость в качестве своей личности, они продолжали сражаться, ни на кого не обращая внимания.

Но…

Рито про себя подумал, не скрывая страха, что поднимался изнутри: «И в чём тогда разница между этим идеалом и безумным смехом Сиринов, мчащихся навстречу смерти?..»

Рито с самого начала опасался Сиринов. То же касалось и всех его товарищей. Они были жуткими. Неописуемо странными. «Восемьдесят шесть» только и делали, что издали наблюдали за ними. Но теперь он понял. Его пугала сама мысль о том, что эти девушки были простым отражением их собственного конца. Туманное предчувствие, словно в конце продолжительного сражения они всё равно окажутся погребены под огромной горой из трупов.

«Быть может, мы были такими же ещё со времён восемьдесят шестого сектора. Тогда мы постоянно повторяли про нашу гордость. Прямо как и они, мы мчались навстречу нашей смерти. И смеялись.»

Рито заметил Райдена, стоящего возле него. Он вёл сражение в подземном ангаре, поэтому, впервые увидев осадный мост, скорчил гримасу.

— Так вот из-за чего ты в штаны наложил, — выплюнул он незнакомый Рито сленг Союза.

— Вице-кэп Шуга… Я…

— Не нужно… — резко оборвал его Райден.

Он ободряюще положил руку на плечо Рито. Но его слова, напротив…

— Остальные, скорее всего, думают в этом же направлении. Но не нужно говорить этого вслух… Ты не должен сомневаться в жизненном пути, который привёл тебя сюда.

Утеплённая форма пилота не позволяла теплу прикоснувшейся руки достичь Рито.

Искорёженная голова Людмилы улетела в снег недалеко от осадного моста. Шин безмолвно стоял и смотрел на останки девушки. Из перемешавшихся между собой обломков Алконостов, Джаггернаутов и Легиона сочились жидкие микромашины, циркулирующая внутри механизмов жидкость и что-то вроде масла, которое, однако, он не мог распознать. Смешавшись, они образовали причудливую разноцветную лужу.

Теперь, когда голова этой девушки с ярко-красными волосами и искусственной кожей, была оторвана, она стала не более чем серой грудой металла. Как только он поднял её, череп окончательно треснул и развалился. Прозрачная жидкость цвета радуги – ядро и центральный процессор – и синяя кровь ручьями лились из головы на землю. Больше он не слышал ни её стенаний, ни плача.

— …

Шин привык видеть человеческие трупы. Как он и говорил Дастину во время операции в Республике. То же касалось оторванных голов с отсутствующими на них половины лица. Такое часто встречалось ещё в первом его отряде в восемьдесят шестом секторе.

Так что, увидев поломку Людмилы – Сирин, которая изначально не была живой и с другим цветом крови… Увидев, как великое множество Сиринов мчатся вперёд и ломаются, он не должен был испытывать каких-либо эмоций.

Но… было больно. Очень больно.

Правда была в том, что это было ещё и очень тяжело. Тяжело с самого начала. Он вспомнил капитана* своего первого отряда, который вечно бегал за ним и помогал во всём самому юному члену отряда… И он вспомнил, как подобрал его искорёженную голову.

[П/П: Пол капитана неизвестен, однако по правилам перевода оставляют мужской. У этой новеллы есть дополнительная история под названием «Этапы Неотения», о которой более подробно можно будет почитать в послесловии. Дело в том, что в первой части этой истории, возможно, описывается капитан его первого отряда, когда он только ступил на поле боя. И этот капитан – девушка. На данный момент эти истории находятся в переводе, но поскольку анлейта на них нет, увидеть эти истории на русском можно будет не так скоро.]

Когда же он успел привыкнуть к этому? Когда начал воспринимать смерти остальных за должное? Словно бы в этом и не было ничего необычного. Когда он сточил эту часть с себя… даже не осознав?

Осколок мертвеца, загнанного в ловушку под именем Людмила, теперь исчез. Испарился в тот самый миг, когда искусственный мозг был уничтожен. По крайней мере, в это Шин верил. Оглядываясь назад, он припомнил, что часто задавался вопросом, хочет ли вновь умереть. И он даже не задумывался, насколько от этого вопроса сквозило холодом.

В его сознании всплыли слова. Он не мог вспомнить, кто их сказал. Но все они говорили ему одно и то же, глядя прямо в лицо. А кто-то – через парарейд. Иногда говорили это у него за спиной. Голос, искажённый помехами беспроводной связи. Он слышал эти слова постоянно, снова и снова.

«Ты – монстр.»

— …Ага.

«В точку.», — подумал Шин, смотря на осадный мост – самый нелепый из всех существующих, созданный из обломков Легиона, Алконостов и механизированных кукол в обличье девушек. Он ступал по нему и шёл дальше, потому что если бы не это, все бы погибли. Он был вынужден пройтись по этим девушкам, чтобы не позволить умереть остальным.

То же самое было верно и для всех остальных: Республика ступала по «восемьдесят шесть», Объединённое королевство по Сиринам, Союз – по юным солдатам, Варгам и талисманам. И даже те, по кому ступали, поступали точно также – они перешагивали через чьи-то смерти, чтобы выжить в этом мире.

Но если для выживания требовалось пойти на такое, то…

…все люди были монстрами.

Каждый из них.

Еле заметное сияние снега отразилось от 88-мм башни Джаггернаута, стоявшего на вершине осадного моста. Шин впервые видел в этом свечении что-то отвратительное.

— Шин!..

Пока он стоял неподвижно, до его ушей донёсся голос. Он не услышал никаких шагов, так как их приглушал снег, навалившийся на следы бойни. Только голос, так похожий на звон серебряного колокольчика.

Лена бежала к нему по незнакомой снежной тропе и, добежав, вцепилась в него. Из-за утеплённого костюма пилота ему не передавалось тепло её тела.

— Испачкаешься же.

— Да что ты такое говоришь?!..

Должно быть, она выбежала в панике. Её форма была взбаламучена, словно она одевалась по пути сюда, а поверх блузки и вовсе ничего не было одето. Только пальто. Фуражку, судя по всему, в какой-то момент снесло, и что было самым удивительным, она бежала по заснеженному полю в балетках.

— О чём ты вообще думал, когда в одиночку вышел сюда?! Тут ещё может быть Легион!..

— Никого здесь нет… И ты прекрасно знаешь об этом.

Она не ответила. Вместо этого её пальцы ещё сильнее вцепились в него. Словно отпусти она Шина, тот исчез бы в мгновение ока. Он хотел было спросить: «Почему?», но у него не выходило.

Она должна была видеть, как осадный мост строится Сиринами. И она также должна знать, что по нему взбирался ударный отряд. Но почему она так бесстрашно подошла? Зачем приближаться к «восемьдесят шесть», низведённым полем боя до такой степени, что обычные люди посчитали бы их монстрами?

Перво-наперво, она знала о том, чем является поле боя. Она простояла те долгие два месяца обороны Республики во время крупномасштабного наступления, где не могло быть и речи о хоть какой-то подготовленности из-за веры в то, что война вот-вот закончится. У неё была лишь хрупкая надежда на прибытие помощи.

Она всё отступала и отступала, когда, казалось, отступать было уже некуда. Даже привыкший к войне Шин не мог представить себе степень отчаяния этой обороны, но Лена сполна испытала его на себе.

Она знала и о резне, где замертво ложились десятки миллионов Альб, граждан Республики… и её соотечественников… Она понимала, что поле боя было не более чем местом бессмысленных смертей без надежды и достоинства. Она видела низменность людей, загнанных в угол.

Так почему? Каким образом?

Как она ещё не сдалась? Почему она до сих пор верила в идеал красивого мира, когда его ценность была ещё ниже, чем у простой сказки?..

Лена сказала, что причина, по которой «восемьдесят шесть» отказались от мира, заключается в их доброте. Что возненавидеть было бы намного проще, так же как и опустить гордость. Тогда… как?.. Как она до сих пор могла держаться за идеал, звучавший настолько приторно, что никто даже слышать про него не хотел?..

«Так почему же?», – спрашивал он себя. – «Почему ты так упорствуешь? Почему продолжаешь идти вперёд, цепляясь за своё желание? Почему ты продолжаешь желать, когда сдаться – проще простого?»

Но в его голове не было ответа. Шин не знал Лену в той степени, чтобы выискивать подсказки и делать какие-либо выводы. Два года назад он простился с ней и ушёл на специальную разведмиссию. Несколько месяцев назад он вновь с ней воссоединился. Он не знал, через какие сражения она прошла. Не знал о том, что она чувствует, о чём сожалеет, что ценит больше всего, и за что в принципе сражалась. Что заставляло её продолжать сражаться?

Да он даже и не пытался об этом узнать. Ему никогда не хотелось выяснить это. Воссоединившись с ней, он думал, что смог к чему-то прийти, но… он даже не пытался понять её.

И впервые за это время он пришёл к выводу…

□

«А я ведь совершенно ничего о ней не знаю.»

http://tl.rulate.ru/book/36621/1342577